

Цзи Цинлинь шел по улице и не мог отделаться от ощущения, что кто-то идет следом.

Он прибавил шаг, и шорох шагов по снегу за спиной стал отчетливее.

Терпение Цзи Цинлиня лопнуло. Он резко обернулся и застал Гу Иньмо, чьи попытки слежки оказались до смешного неуклюжими, на месте преступления.

Гу Иньмо поднял руки к голове в знак капитуляции. Встретившись с бесстрастным взглядом Цзи Цинлиня, он виновато улыбнулся.

Его объяснение прозвучало искренне:

— Я очень волновался за тебя, поэтому пошел следом, чтобы убедиться, что ты в порядке.

Словно боясь, что Цзи Цинлинь ему не поверит, он добавил:

— У меня здесь было совещание, а помощник уехал по делам на машине, вот мне и пришлось возвращаться пешком.

Цзи Цинлиню вдруг захотелось рассмеяться. Гу Иньмо никогда не умел врать, и эта нескладная ложь была придумана явно на ходу.

Впрочем, он и сам его обманывал — Цзи Цинлинь вспомнил полуденный звонок Гу Иньмо.

У него не осталось сил на лишние раздумья, поэтому он просто рассеянно кивнул и, развернувшись, продолжил свой путь.

Гу Иньмо догнал его и молча пошел рядом, время от времени участливо расспрашивая о самочувствии.

Возможно, из-за того, что рядом был человек, дорога показалась короче, и вскоре Цзи Цинлинь увидел ворота своего жилого комплекса.

Он хотел попрощаться у входа, повернулся к Гу Иньмо, поблагодарил его и сказал, что дальше справится сам.

Но Гу Иньмо не собирался уходить. Он молча смотрел на него.

Помолчав немного, он спросил низким голосом:

— Не пригласишь меня подняться?

Еще несколько дней назад такая просьба была для Цзи Цинлиня пределом мечтаний. Но даже сейчас, чувствуя себя ужасно, он ясно осознавал: Гу Иньмо ему больше не принадлежит.

Он не мог позволить себе поддаться на просьбу, переступающую черту.

— Прости, я не готов принимать гостей.

Говоря это, Цзи Цинлинь бросил взгляд поверх плеча Гу Иньмо. Неподалеку на обочине стоял черный внедорожник.

Должно быть, там ждали Гу Иньмо.

Цзи Цинлинь сунул руки в карманы и небрежно бросил:

— Возвращайся скорее.

Сказав это, он в одиночестве растворился в снежной ночи.

К вечеру, как и следовало ожидать, у Цзи Цинлиня поднялась высокая температура.

Почувствовав неладное, он вскипятил воды и отправился в гостиную искать аптечку.

Как раз когда он, стоя на коленях, перебирал лекарства, раздался звонок в дверь.

Цзи Цинлинь взглянул на настенные часы, недоумевая, кто бы мог прийти в такой час.

— Кто там? — спросил он через дверь.

Раздался утомленный голос Дай Синжо, тянущий слова:

— Это я... Цзи-гэ, пусти скорее, я так устала...

Цзи Цинлинь наспех нацепил маску и открыл дверь.

Увидев его состояние, Дай Синжо мгновенно забыла об усталости и широко раскрыла глаза:

— Цзи-гэ, тебе плохо?

У Цзи Цинлиня пересохло в горле, голос звучал хрипло:

— Немного поднялась температура, может, тебе...

— Я не против! — перебила она, повысив голос. Поняв, как это прозвучало, она смутилась и поспешила объяснить: — Ты же заболел, как я могу бросить тебя в беде?

Она разулась, поставила принесенную с собой острую лапшу на стол и, достав телефон, добавила:

— Цзи-гэ, ты наверняка еще не ел. Я сейчас закажу тебе чего-нибудь, а потом примешь лекарство.

Цзи Цинлинь беспомощно улыбнулся, собираясь отказаться, но Дай Синжо не дала ему и шанса — она уже заказывала кашу и закуски из заведения у ворот комплекса.

— Окей, скоро доставят, — она убрала телефон, хлопнула в ладоши и подошла к нему со спины.

Она проводила Цзи Цинлиня в спальню и укутала его в толстое одеяло.

Цзи Цинлинь, у которого из-под одеяла виднелись только глаза, наблюдал, как Дай Синжо хлопчет по комнате.

Она принесла горячую воду и жаропонижающее. Их взгляды случайно встретились, и лицо девушки внезапно вспыхнуло:

— Цзи... Цзи-гэ, не смотри на меня так, мне неловко...

Цзи Цинлинь пробормотал что-то в ответ, взял лекарство и стакан:

— Спасибо.

— Да за что... — Дай Синжо помолчала, закусив губу, и решилась спросить: — Цзи-гэ, а ты и мой брат... вы знакомы?

Рука Цзи Цинлиня, державшая кружку, дрогнула, и вода едва не пролилась на кровать.

Увидев его реакцию, Дай Синжо все поняла и печально опустила голову.

В душе Цзи Цинлиня всколыхнулось чувство вины. Он корил себя за то, что слишком спокойно

принимал заботу Дай Синжо, но сейчас, кроме как продолжать играть роль, он ничего не мог сделать, чтобы искупить свою вину.

Поразмыслив, Цзи Цинлинь решил признаться.

— Синжо, прости, что скрывал. Я не знал, что он твой сводный брат, и не ожидал, что мы когда-нибудь снова встретимся.

Цзи Цинлинь смотрел на ее профиль, до боли напоминающий Гу Иньмо, и погрузился в свои мысли.

— Он тот человек, по которому ты тосковал все эти годы, верно? — прямо спросила Дай Синжо.

Цзи Цинлинь замер и молчанием подтвердил ее догадку.

Дай Синжо не выглядела расстроенной, напротив, она оставалась спокойной:

— Ты все еще любишь его.

Любит ли он Гу Иньмо?

За бессонные ночи он задавал себе этот вопрос бесчисленное количество раз. Сначала думал, что просто не может смириться с тем, что его бросили, и обида не дает забыть.

Но позже Синь Хэ сказал ему: ненависть не длится так долго, а любовь — да, потому что ты постоянно сравниваешь то, что происходит сейчас, с тем, что было тогда.

Только тот, кто глубоко любил, может тосковать до изнеможения.

Доказательства былой любви становятся до тошноты ироничными и нелепыми.

Цзи Цинлинь до сих пор хранил на себе тень Гу Иньмо, которую тот не успел забрать с собой при уходе. Иногда, просыпаясь посреди ночи, он видел призрачный образ Гу Иньмо, сжимал его руки, прижимался к его груди — и только так мог уснуть.

Одно время Цзи Цинлинь даже думал, что у него шизофрения — он винил себя в уходе Гу Иньмо, считая, что именно его недостатки заставили того отвернуться.

Он был настолько сломлен, что плакал во сне, прижимая к себе одежду, которую когда-то носил Гу Иньмо.

Но все это в прошлом. Цзи Цинлинь был уверен, что любит Гу Иньмо до сих пор, и даже спустя столько лет втайне мечтал, что тот вернется.

— У него теперь есть любимый человек, они очень счастливы, — Цзи Цинлинь глубоко вдохнул и улыбнулся. — Я больше его не люблю.

— Не любишь или не можешь себе позволить? — вопрос Дай Синжо был острым, как лезвие, пронзившим сердце Цзи Цинлиня.

Он решил ответить уклончиво:

— Сейчас мы просто друзья.

Затем, пытаясь скрыть правду, добавил:

— Дружба... разве в ней есть место для любви или нелюбви?

Дай Синжо, разозлившись на его нерешительность, едва не расплакалась:

— Тогда дружи с ним всю жизнь! Смотри, как он счастлив с Пэй Яном!

Цзи Цинлинь представлял эту картину тысячи раз. Он видел, как Гу Иньмо улыбается рядом с Пэй Яном. Сначала это причиняло невыносимую боль, но со временем он смирился.

Скорее даже онемел.

Цзи Цинлинь протянул руку и взъерошил волосы Дай Синжо:

— Синжо, не злись из-за меня, это того не стоит.

— Мы расстались столько лет назад, наши характеры изменились, мы живем в разных мирах. У нас нет шансов быть вместе.

— Мне достаточно знать, что у него все хорошо.

Раз уж они разошлись, пусть на этом все и закончится. Цзи Цинлинь усмехнулся про себя: разве не поется в песне, что любовь иногда означает отпустить? Его нежелание бороться можно было считать благородным поступком.

Дай Синжо не выдержала и, уткнувшись в плечо Цзи Цинлиня, разрыдалась. Давление из-за

болезни отца и настойчивые требования матери выйти замуж наконец нашли выход.

Цзи Цинлинь вытирал ей слезы и тихо успокаивал, и никто из них не заметил, как чья-то фигура осторожно приоткрыла дверь и долго стояла на пороге, наблюдая за ними.

<http://bllate.org/book/21439/2191128>